

★ НОВАЯ
★ БОЕВАЯ
★ ФАНТАСТИКА

Ерофей
ТРОФИМОВ
СЕВЕРНЫЙ
ДРАКОН

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Т76

Серия «Новая боевая фантастика»

Выпуск 1

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Трофимов, Ерофей

Т76

Северный дракон : роман / Ерофей Трофимов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Новая боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-160600-8

Революция — дело страшное, и когда она случается, плохо становится всем. И правым, и виноватым. Так случилось и теперь. Едва только в Российской империи началась революция, как нехорошо стало и всем её соседям. В том числе и Поднебесной империи. Японская интервенция, безвластие и многие другие прелести того страшного времени. Так что, юному казачку из небольшой станицы придётся вспомнить всё, чему его когда-то учили, чтобы просто выжить....

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-160600-8

© Ерофей Трофимов, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Со стоном прижав к ране тряпицу, Леха прикусил губу и, переждав, когда вспыхнувшие перед глазами звездочки исчезнут, осмотрелся. От погони ему, похоже, удалось оторваться. Голоса преследователей стихли где-то в тайге. О чем именно говорили солдаты в странной форме, было непонятно, но одно Леха знал точно. После случившегося его просто убьют. Да, впрочем, иного и ожидать не стоило. Ведь случившееся безвластие давно уже отменило все законы и правила.

А ведь до всего этого страна не так уж и плохо жила. И чего людям не хватало? Этот философский вопрос Леха не раз задавал и себе, и всем тем, кто постарше и поумнее, а вот ответа на него так и не получил. Бросив быстрый взгляд в небо, парень понял, что до темноты еще долго, и решил поискать место поукромнее.

— Нужно к долгому ручью идти, — еле слышно проворчал парень и, тяжело поднявшись, нырнул в подлесок.

Он еще не знал, что этот странный и страшный день изменил всю его дальнейшую жизнь. А ведь ничто не предвещало такой беды. Они с отцом привычно собирались на заливной луг. Нужно было сена накосить до осенних дождей. Война войной, а скотину кормить надо. Отцу одному с таким делом было не справиться. Искалечило его на германском фронте. Осколок снаряда срубил кисть левой руки.

Вот и списали вчистую реестрового забайкальского родового казака. Вернулся он хоть и калекой, а все одно с прибытком. С тех трофеев и коня купили, и коровку. Лехе самому через два года предстояло в реестр экзаменацию держать, но, похоже, не будет никаких испытаний. Нет больше ни реестра, ни империи, которой казаки от создания времен служили. А теперь, похоже, и станицы не стало.

Адмирал Колчак, поддерживаемый иностранными государствами и опираясь на штыки их солдат, издал указ, по которому в армию забривали всех мужчин от шестнадцати до пятидесяти лет. Вот и пришли в станицу солдаты с парой колчаковских офицеров, набор проводить. Леха уже запряг коней в телегу и уложил в нее косы, чтобы на лужок ехать, когда на подворье ввалились эти бесы.

Сначала к отцу сунулись, но когда руку его приметили, отстали. А после за Леху принялись. Осматривали, словно жеребца на торгу. Вот Леха и не стерпел. Двинул одного из иностранных солдат в рыло. Да так, что тот башкой в стену сарая влип. Остальные солдаты за оружие схватились, да только отец не зря одним из лучших рубак в эскадроне был. Подхватил он черен от лопаты и в пять ударов всех непрошенных гостей по двору раскидал. Вот тут-то офицеры и засуетились.

— Ты что же это, казак, государству служить отказываешься? Дезертируешь? — зловеще поинтересовался штабс-капитан, выхватывая из кобуры револьвер.

— Я, ваше благородие, свое отслужил и списан из реестра по ранению, — фыркнул отец, вскидывая обрубок левой руки. — А сына не тронь. Ему еще возраста нет. Мал он еще для войны.

— И сколько ему? — оглядывая Леху, уточнил штабс-капитан.

— Пятнадцать только.

— Врешь. На вид все восемнадцать есть, — не поверил офицер. — Здоровенный мужик. Солдата вон приложил так, что до сих пор встать не может, — кивнул он головой на служивого под стеной сарая.

— Не с чего мне врать, — гордо выпрямился отец. — Вон в церкву ходите. Там в книге все записано, — ткнул он обрубком руки в сторону церковной маковки.

— Ничего. Не переломится, — усмехнулся офицер, поводя стволом револьвера. — Шагай, парень. Пора родине послужить.

— А где она, та родина? — не удержавшись, сплюнул Леха. — Даже вас вон иноземцы защищают.

— Поговори мне еще! — выскрикнулся штабс-капитан, снова вскидывая оружие, и тут отцовский черен от лопаты с хрустом ударил его по кисти руки.

Будь у отца пашка, быть бы тому офицеру калеккой, а так только сломанными костями отделался. Леха прыжком кинулся к выпавшему револьверу, и тут же грянул выстрел. Один из солдат успел выстрелить. Бок обожгло. Упав, Леха перекатился на спину и, вскинув подхваченный револьвер, трижды нажал на спуск. Трое солдат, старательно дергавших затворами своих винтовок, упали.

Дрын, подхваченный отцом вместо оружия, треснул второго офицера по голове и тут же хлестнул по спине того, что выронил револьвер. Теперь оставалось только добить их и, собрав семью, уходить в тайгу, на заимку. Такого колчаковские офицеры безнаказанным не оставят. Это Леха понял сразу, едва увидев трупы убитых им солдат. Тяжело поднявшись, он прижал ладонь к левому боку и, испуганно глядя отцу в глаза, тихо прохрипел:

— Прости, батя.

От боли в горле пересохло. Грустно усмехнувшись, отец деловито подобрал один из упавших карабинов и, протянув его Лехе, скомандовал:

— Патроны с них возьми. Первый трофей ведь. И погоди немного. Я сейчас.

Он скрылся в доме, чтобы через несколько минут вернуться со своим походным сидором, туго набитым чем-то. За поясом отец нес свой любимый кавказский кинжал. Подарок побратима из терского казачьего воинства, с которым побратался еще в турецком походе.

— Держи, — сунул он Лехе сидор. — К бабке Чин ступай. Она тебе рану быстро залечит. Повезло, только шкуру малость попортили, стрелки, — презрительно усмехнулся отец, внимательно оглядывая рану на левом боку парня. — Сюда пока не суйся. Пусть уляжется все.

— А как же вы, батя? — опомнился Леха. — Вас же с матерью да сестрами со свету за меня сживут.

— Их тоже отправлю, — отмахнулся отец. — Сейчас первым делом тебя спрятать надо. Запомни, не должен род казачий впусте прерваться. Всё. Ступай. Только рану тряпицей заткни, чтобы кровью не истечь. Рана хоть и легкая, а кровит сильно.

Шум и конский топот у ворот заставил отца чуть вздрогнуть и с тревогой оглянуться. Леха привычным движением передернул затвор карабина, про себя только усмехнувшись. Прежний владелец этого оружия, похоже, толком и не знал, как с ним правильно обращаться. Дергал стебель, только время зря теряя. А карабин господина Мосина такого обращения не любит. Его перезаряжать плавно надо. Тогда и быстро получается.

— Беги, сынок, — резко скомандовал отец, подхватывая брошенный Лехой револьвер. — Беги. Ого-

родами в тайгу уходи. И к бабке. К бабке сразу ступай. Расскажешь ей все, она знает, что делать.

Неожиданно шагнув к сыну, он крепко обнял его и сразу, словно устыдившись, оттолкнул, снова приказав:

— Беги.

Слушаться отца для Лехи было так же привычно, как дышать. Ведь всему, что парень умел, отец его и научил. И охотиться, и стрелять, и ухваткам воинским, всему учил. Подхватив сидор, парень закинул его на правое плечо и, привычно перемахнув забор, нырнул в подлесок. Тайга подступала к станице почти вплотную. Уже отойдя шагов на сотню, Леха услышал, как на их подворье грохнул выстрел, и, выругавшись, бросился к ближайшему дереву.

Шипя от боли, он взобрался на высоту пары своих ростов и, напрягая глаза, всмотрелся в то, что происходило в их дворе. По подворью с хозяйским видом расхаживали все те же иностранные солдаты. Потом из дома вытащили мать и двух сестер. Один из солдат тут же принялся тискать старшую сестренку, гнусно усмехаясь и корча рожи. Не удержавшись, Леха вскинул карабин и, тщательно прицелившись, спустил курок.

Голова насильника лопнула, окатив красным стену сарая. Солдаты тут же забыли про женщин и принялись прятаться, осматриваясь и пытаясь понять, откуда в них стреляли. Плавно передернув затвор, Леха взял на прицел еще одного солдата и снова выстрелил. Стрелять его отец научил здорово. Один выстрел, одно попадание. Иначе стрелять — пустой перевод патронов. Так опытный казак всегда повторял. Выпустив все пять патронов, Леха заметил, как от станицы в тайгу пробираются фигурки солдат. Сообразив, что они пытаются его обойти, парень спустился

с дерева и, на ходу перезаряжая карабин, быстро зашагал в нужную сторону.

Но среди солдат, похоже, нашелся опытный проводник, сумевший разобраться в его следах. Очень скоро парень заметил погоню и принялся путать следы. Ранение и потеря крови не позволяли ему бежать, так что пришлось вспомнить все, чему когда-то учил отец. Дважды он сходил в ручей и двигался по колено в воде, выбираясь на прибрежные камни, чтобы сбить врага со следа. И вот теперь, убедившись, что сумел оторваться, Леха направился в нужную сторону.

На хутор бабушки Чин. Если быть точным, то Чин была ему прабабкой, но Леха привык называть ее бабушкой. Она его всегда называла странным именем Лю, но Леха не обижался. Знал, что бабка называла его так с самого детства. Еще когда он толком и ходить не умел. А самое главное, именно она, бабушка Чин, обучила его тому, что для многих в столице было странным и непривычным. Но сам Леха придерживался мнения отца. Знания лишними не бывают.

* * *

— Сколько раз тебе было повторять, что рану нельзя оставлять открытой? — возмущенно ворчала бабушка Чин, вычищая ему попорченную шкуру.

— Так некогда было, бабушка, — скрипнув зубами, выдохнул Леха. — Гнались за мной.

— Надо было хоть воском медовым замазать, — вздохнула бабка, засыпая рану смесью толченых трав.

Травы она разбирала ловко. Потому и жили они с прадедом на хуторе, в тайге. Где и когда эти двое познакомились, не знал никто. Просто однажды прадед вернулся из приграничного похода, привезя с со-

бой юную девушку китаянку. В казачьей среде подобные браки были не редкостью, так что долго судачить об этом даже записные кумушки не стали. Так, перемыли косточки пару седмиц, да забыли.

Как они жили и чем занимались, Леха толком не знал, да и, по совести сказать, не сильно интересовался. Прадед до его появления на свет не дожил, а бабушка так и жила на хуторе. Только иногда Леху привозили к ней, когда матери приходила пора рожать очередного ребенка. Став постарше, Леха и сам начал бегать на хутор. Там ему было интереснее. Бабушка Чин знала многое. Именно от нее он и узнал, что такое чайная церемония и каллиграфия. А главное, она стала учить его приемам борьбы, очень похожим на ухватки пластунов.

И именно у бабушки он научился понимать и легко говорить на языке манджур и разбирать письмо наречия мандарин. Зачем это было нужно, Леха и сам не знал, но учиться ему было интересно. Конечно, настоящим мастером каллиграфии и знатоком чайной церемонии он не стал, но и в иероглифах тоже не путался. Вообще, с бабушкой ему было куда как интереснее, чем в станице. Отец, прознав об этих занятиях, только задумчиво хмыкнул и уже первой же весной взял его с собой на приграничный торг.

Ханьские купцы, увидев юного казачка с монгольскими скулами и темно-кариими глазами, только усмехались поначалу, но когда Леха начинал говорить с ними на наречии мандарин, тут же теряли усмешки и начинали отвечать очень даже вежливо. Почему сам отец не знал языков, Леха так и не понял. То ли ему лень учиться было, а то ли к языками не сильно расположен был, непонятно, но так оно и было. Из всей семьи бабушка Чин учить взялась только маленького Леху.

Дождавшись, когда бабка закончит с перевязкой, парень поднялся и, натягивая рубаху, спросил:

— Бабушка, а винтовка моя цела еще?

Откуда дед привез винтовку Генри, в семье не говорили, но Леха получил ее в полное свое распоряжение и умудрялся выбивать из нее пять мишеней из пяти. Так что для возвращения за семьей эта винтовка была ему предпочтительнее. Проще говоря, привычнее. Мосинский карабин, безусловно, мощный, но своя винтовка словно сама к плечу льнула. С ней парень давно уже забыл, что такое промах.

— А к чему тебе винтовка? — грозно поинтересовалась бабка, развернувшись к нему всем телом.

— Да как же?! — растерялся Леха. — Нужно ж домой. В станицу. Там же мамка с сестрами осталась, — принялся объяснять он, размахивая руками.

— Они казачки. Сами управятся, — жестко отрезала бабка. — А тебе с такой раной только и осталось, что воевать. Дай сначала корке схватиться. Иначе кровью изойдешь.

— Батя сказал, что это царапина, — растерянно проворчал парень, удивленно рассматривая повязку.

— Соврал он тебе, чтобы не пугать, — тяжело вздохнула бабка. — Пуля насквозь прошла и, похоже, ничего сильно не зацепила. Но ты пока бегал, в нее какая-то грязь попала. Так что нельзя тебе пока тело напрягать. Может антонов огонь случиться.

— Но как же... — окончательно растерявшись, повторил парень. — Это ж получается, я их бросил, — еле слышно прохрипел он.

— Никого ты не бросал, — рявкнула в ответ бабка. — Ты последний мужчина в роду. Последний, слышишь, Лю?! И сделал ты то, что тебе отец родной велел. Или ты решил, что лучше старших все понимаешь?

Взгляд бабки вонзился в него, словно клинок. Лю звала его только она, и только когда он сумел в чем-то провиниться. Потупившись, Леха тяжело вздохнул и замолчал, не понимая, что делать дальше. Вздохнув в ответ, бабка подошла к лавке, на которой он сидел, и, погладив его по голове крепкой, мозолистой ладошкой, тихо подсказала:

— Не грусти. Знаю, что тяжело все это принять. Уж поверь, и со мной всякое было. Да только ничего ты тут не изменишь. Перетерпи. Вот подживет рана, и сбегашь в станицу. Тебе и тут-то оставаться опасно. Вы с отцом солдат да офицеров побили. Искать станут. А то, что ты мой внук, вся округа знает. Тут и гадать не надо. Одного взгляда хватит, чтобы понять, что мы одна кровь.

Грустно усмехнувшись, Леха только кивнул, покосившись на небольшое зеркальце, висевшее на стене. Бабка была права. Они и вправду были очень похожи. Только одна особенность их различала. Глаза. Обычно глаза Лехи, когда он был спокоен, были обычного темно-карего цвета. Но стоило только ему разозлиться или начать волноваться, как они становились антрацитово-черными. Такими темными, что нельзя было отличить радужку от зрачка даже при ярком дневном свете.

Еще раз вздохнув, бабка прошла за печку и, пошебуршав там чем-то, вернулась обратно, неся в руках сидор, с которым Леха и пришел, и его старую винтовку.

— И карабин свой забери, — добавила она, протягивая ему вещи. — За выпасом в шалаше поживешь пока. Ежели сюда заявятся, найду, что им ответить. Пойдем, провожу тебя.

Кивнув, Леха поднялся и, подхватив карабин, закинул на правое плечо отцовский сидор. Они вышли

из дома и по узкой тропе двинулись в тайгу. Версты через две бабка ловко нырнула в заросли ивы, потянув внука за собой. Про эту узкую стежку знало всего несколько человек. Именно тут, на берегу крошечного родника, бабка поставила с его помощью шалаш и сушила собранные травы.

Убедившись, что Леха устроился нормально, бабка ласково потрепала ему коротко стриженные волосы и, развернувшись, отправилась обратно.

Разложив вещи, парень развел огонь в крошечной железной печке и, с сомнением осмотрев окровавленную рубаху, сунул ее в топку. Стирать и штопать ее было бесполезно. От крови материя была заскорузлой и уже начала пахнуть. Поворошив угли, Леха поставил на печку небольшой медный чайник с водой и, развязав собранный бабкой узелок, принялся с интересом изучать его содержимое.

Перекусив, парень напился чаю и, устроившись на собранной у стены лежанке, прикрыл глаза. Бабка была права. От потери крови его все еще пошатывало и немного подташнивало. А еще все время хотелось пить. Уснул он незаметно для себя. Разбудили Леху сороки. Их возмущенный треск заставил парня подскочить на лежанке и схватиться за оружие. Тряхнув головой, чтобы разогнать сонную одурь, парень несколько секунд сидел замерев, пытаясь понять, что его разбудило.

Потом какое-то странное чувство заставило его сердце сжаться, а по спине пробежала странная холодная дрожь. Привычно проверив оружие, Леха вышел из шалаша и, передернув скобу, двинулся в сторону бабкиного дома. Что именно его туда потянуло, парень и сам не понял. Пройдя быстрым шагом почти до самого дома бабки, Леха вдруг замер, из-за куста рассматривая постройки.

Он снова не понимал, что именно так резануло ему глаз, но тут явно было что-то не так. Наконец, в третий раз осмотрев все тщательно, парень понял, что именно его насторожило. Из трубы не вился дымок. И куры, обычно бродившие в загоне, вообще не издавали ни звука. Словно их и вовсе не было. Прижав приклад винтовки к плечу, парень плавно вышел из кустов и, обходя дом по кругу, двинулся к сараю, который бабка использовала как курятник.

У крыльца, кучей старого тряпья, лежало тело женщины. Замерев на секунду, Леха подбежал к телу и, осторожно перевернув его лицом вверх, глухо завыл. Три пули вошли в сухую грудь бабушки Чин. Тонкая струйка уже начавшей подсыхать крови скатывалась из уголка ее плотно сжатых губ, теряясь где-то за воротом кофты.

— Бабушка, — хрипя пережатым от рыданий горлом, стонал он, сжимая кулаки в бессильной злобе.

Потом, усилием воли взяв себя в руки, парень поднялся и, привычно проверив винтовку, направился к калитке. У ворот по следам стало понятно, что сюда приезжал десяток солдат. Быстро осмотревшись, Леха перекинул ремень винтовки через шею и помчался по следу волчьим бегом. К темноте он догнал вставших лагерем солдат. Похоже, после расправы над бабушкой они уже никуда не торопились.

Обойдя солдатский бивак по кругу, парень выбрал самую удобную позицию и, плавно передернув рычаг винтовки, взял на прицел офицера. Молодой поручик, сидя на седле, не спеша попивал заваренный кашеваром чай. Пуля пробила его кружку и вошла офицеру в грудь. Дальше Леха действовал, словно механическая игрушка. Плавное движение кистью руки, и стреляная гильза вылетает из затвора.